

Елена Румильяк

Месть - это фастфуд

18+

Елена Румильяк

Месть – это фастфуд

«Автор»

2017

Румильяк Е.

Мечь – это фастфуд / Е. Румильяк — «Автор», 2017

ISBN 978-5-532-10954-4

Действие детектива происходит в университетской библиотеке, где на дне открытой шахты лифта находят тело начальника отдела хранителей. Во время опроса одна из сотрудниц отдела попадает под обаяние следователя. Чтобы привлечь его внимание, она начинает собственное расследование, в ходе которого всплывают известные преступления, совершённые в национальных библиотеках. А найти убийцу помогает знание различных систем классификации. Роман является авторским переводом с французского языка книги «La vengeance est un fast-food». В оформлении обложки использована фотография, сделанная автором.

ISBN 978-5-532-10954-4

© Румильяк Е., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Предисловие к русскому переводу	5
Глава I. Начальник	6
Глава II. Несчастный случай	9
Глава III. Капитан	12
Глава IV. Ацтекский кодекс	15
Глава V. Ковбой	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елена Румильяк

Месть – это фастфуд

Предисловие к русскому переводу

Действие этой книги происходит во Франции, в университетской библиотеке. Во Франции для работы в университетской библиотеке надо принять участие в государственном конкурсе. Успешно пройдя конкурс, ты становишься государственным служащим и получаешь постоянную работу, но при этом приходится ехать «по распределению», куда пошлют, а посылают, как правило, в Париж, там самая высокая текучесть кадров. Потом можно попросить перевод на вакантное место в другом городе. Персонал библиотек делится на три категории (А, В, С). Каждой категории соответствует определённый тип конкурса. Иерархия должностей в библиотеке выглядит так.

Первое место в этой иерархии занимает категория А – **библиотекари и библиографы** (Bibliothécaires et Conservateurs). Их профессиональные обязанности связаны с руководством библиотекой и определением основных направлений эволюции её фондов и коллекций.

Следующую категорию (В) образуют Bibliothécaire adjoint spécialisé – **библиотекари-каталогизаторы**, которые занимаются каталогизированием и индексацией приобретённых библиотекой книг и введением данных о фондах библиотеки в общеуниверситетский каталог Франции SUDOC (Système universitaire de documentation).

Сотрудники, относящиеся к самой многочисленной категории С, называются magasiniers – «**хранители**» (от слова magasin – «хранилище»). Они должны обладать специальными техническими знаниями и навыками и обеспечивать техническую поддержку деятельности двух других категорий. В их ведении находится прямая работа с читателями и книгами, в том числе подготовка книг к выдаче читателям.

Кроме того, существует категория работников по временным контрактам, так называемые **контрактники**. Это называется contrat unique d'insertion (CUI) – единый контракт интеграции. Имеется в виду интеграция в профессиональную сферу. Библиотека получает от государства дотацию, а взамен даёт контрактникам основы профессии и бесплатную подготовку к конкурсным экзаменам для тех, кто решит принять участие в конкурсе.

Глава I. Начальник

Я не знаю архитекторов, разработавших план университетской библиотеки, где я работаю, но думаю я о них всякий раз, как иду в туалет. Туалет для сотрудников помещён так далеко от всех служб, что, пока до него дойдёшь и вернёшься, теряешь минут двадцать. Из-за этого им и раньше пользовались нечасто, а после несчастья, случившегося прошлой осенью, туда вообще никто не ходит.

В понедельник 14 ноября уборщица обнаружила в закрытой изнутри кабинке тело нашей коллеги Иоланды Гомез, скончавшейся от остановки сердца. Тело пролежало там все выходные. Уборщицу насторожил запах, доносящийся из кабинки. Она позвала охранника, и тот сразу вызвал полицию. Кабинку пришлось полностью демонтировать: тело, упав, заблокировало дверь. По словам судмедэксперта, Иоланда скончалась в четверг 10 ноября, накануне Дня Перемирия¹, во второй половине дня. По расписанию её не было ни в читальном зале, ни на выдаче, поэтому на её отсутствие никто не обратил внимания. Да и как такое можно предположить? Иоланда очень внимательно относилась к своему здоровью: исключительно натуральная еда, ни алкоголя, ни табака. Поклонница фитотерапии, во время перерыва вместо кофе она пила травяные настои, которые приносила из дома в маленьком термосе.

Уборщица вспомнила, что в четверг 10 ноября одна кабинка была занята, но тогда она не обратила на это внимания. Она быстро прошлась шваброй по полу и ушла, не дожидаясь, пока кабинка освободится – этим туалетом пользовались редко, и он оставался чистым довольно долго.

Иоланда жила одна, поэтому её отсутствие осталось незамеченным все выходные. Библиотека была закрыта три дня, так как День перемирия в этом году пришёлся на пятницу. Моника, давняя коллега Иоланды, забеспокоилась первой. Обе они работают с нами с сентября, после слияния фондов их библиотеки по истории искусства с фондами нашей центральной университетской библиотеки. Моника звонила Иоланде всё утро, но никто не брал трубку. Понятно почему. Шок был ужасен. Сколько раз мы потом повторяли, что, если бы туалет не был так изолирован, может быть, мы бы заметили вовремя, что с Иоландой что-то не так и её успели бы спасти. Но никакой возможности призвать к ответу архитекторов, чертивших более полувека назад план университетской библиотеки, у нас не было.

* * *

Я спускаю воду, смотрю, который час, и быстро мою руки. Я только что отработала свои полдня в библиотеке иностранных языков, и мне надо кое с чем разобраться перед тем, как я продолжу свой рабочий день в центральной библиотеке. Час назад мне позвонила Гаранс, коллега-контрактница. Я поняла не всё: Гаранс говорила быстро и сбивчиво, перемежая слова короткими затычками. Но главное я уловила: *этот мудака опять её достаёт*. «Этот мудака» – это наш начальник Ян Дюбуа. Не имея возможности клонировать самого себя, чтобы работать с собственными дублями, он вынужден за нами следить. Не успеешь что-то сделать, как он появляется и всё перепроверяет. И речь идёт не только о нашем отделе хранителей. Электричество, информатика, система безопасности – он повсюду и следит за всем. Даже когда он в отпуске, мы продолжаем получать его мэйлы с директивами. Жалко смотреть, как эта *необычайная вездесущность* попусту расходуется на коллег, которые никогда не захотят её оценить.

---

¹ День Перемирия отмечается во Франции 11 ноября в память об окончании Первой мировой войны. В этот день в 1918 году в Компьенском лесу было подписано перемирие между странами Антанты и Германией.

В центральной библиотеке работы по замене служебного лифта уже начались. Я поднимаюсь по лестнице на пятый этаж в наш отдел хранителей, где мы готовим книги для выдачи. Там царит непривычное молчание. Я вхожу – и понимаю почему. Все смотрят, как Рене покрывает книгу клейкой плёнкой с высокой степенью адгезии. Это довольно сложно, одно неверное движение – и книга испорчена. Но Рене покрывает книги как никто другой: каждый его жест выверен и точен до мельчайших деталей. Плёнка пристаёт к книге, как вторая кожа, без пузырьков и складок.

От Рене исходит та магия хорошо сделанной работы, на которую хочется смотреть до бесконечности, как на языки пламени в камине. Закончив, Рене, явно собой довольный, нежно проводит рукой по книге и понимает, что все на него смотрят. Чтобы скрыть смущение, он слегка вызывающе говорит:

– Да, я ласкаю книги. И пусть тебя это не шокирует, – добавляет он специально для Евы, единственной, кто продолжает смотреть на его руки.

– Меня это совсем не шокирует, – отвечает Ева. – Ты же знаешь, когда речь идёт о ласках, я готова на любые эксперименты.

Её взгляд становится мечтательным, и она добавляет полным чувственности голосом:

– Я даже готова присоединиться и ласкать эту книгу вместе с тобой.

– Ещё чего! Только разврата тут не хватало! Свои книги я ни с кем не делю.

– Напоминаю, что книги здесь общественная собственность, – холодно замечает Ева. – Как только они оказываются в свободном доступе – их может взять кто угодно, унести к себе и там ласкать в своё удовольствие весь срок выдачи.

– Да, – неохотно соглашается Рене. – Но всё-таки я ласкаю их первым.

Он говорит об этом, как средневековый феодал говорил бы о праве первой ночи.

– Не хочу тебя расстраивать, – осторожно вмешивается Милена, – но всё-таки первыми до книг дотрагиваются библиотекари-каталогизаторы.

– Ничего подобного – возражает Максим, – первым их трогает Андрей, когда получает и вставляет пластину для сигнализации.

– Разве его аппарат сейчас не сломан? – уточняет Рене.

– Сломан, – подтверждает Ева, – но ты же не думаешь, что без аппарата Андрей не в состоянии схватить книгу, лихорадочно разодрать покрывающий её целлофан, а потом на своём рабочем столе нежно раздвинуть ей страницы и вставить туда свою пластину?

– Никак не могу привыкнуть, – качает головой Рене, – что в твоём изложении даже циркуляция книг в библиотеке становится на редкость возбуждающей.

Ева скромно улыбается. Я спрашиваю у Милены:

– Гаранс уже ушла?

– Да. Она не могла тебя ждать, ей надо было в школу.

– Что там произошло с Яном?

– Он нашёл книгу в открытом доступе не на своём месте и сразу побежал жаловаться заведующей. Мариза вызвала Гаранс к себе в кабинет. Гаранс, когда вышла, набросилась на Яна, но ты же знаешь, какой он. Никаких объяснений. Повернулся спиной и ушёл.

В Милене что-то изменилось с тех пор, как я её видела в последний раз. Она проводит рукой по волосам, и до меня доходит – у неё новая стрижка. Значит, она кого-то встретила. Милена всегда ходит к парикмахеру перед первым свиданием.

– Ты поменяла стрижку? – я довольна, что поняла, в чём дело, – тебе очень идёт.

– Правда? Спасибо, Илона.

– Да, – подтверждает Регина, поджав губы, – тебе так ничего. Лучше, чем два года назад, когда ты подстриглась совсем коротко. Тебе вообще не шло.

С этими словами она выходит из отдела с газетами и журналами для читального зала.

– Она что, ждала два года, чтоб тебе об этом сказать? – удивляется Брюно.

– Конечно же нет, – успокаивает его Милена, – Она меня припечатала сразу же и продолжает это делать всякий раз, как я схожу в парикмахерскую.

– Я иду разбираться с Яном, – говорю я.

– Запишись в очередь, – советует Максим, – Яну сегодня везёт на разборки. Гаранс ему тоже сегодня пообещала разобраться кулаком по черепу. Если так дальше пойдёт, домой ему целым не вернутся.

Я спускаюсь на первый этаж. Ян сидит за компьютером на выдаче книг. Увидев меня, он нервно вытирает ладони о джинсы.

– Слушай меня внимательно, – начинаю я. Но тут оглушительный шум ремонтных работ заполняет здание и заглушает конец моей фразы.

– Твою мать! – вскакивает Ян. – Двери!

Он хватается за рацию и кричит в неё:

– Себастьян? Срочно закрой все двери?

Не глядя на меня, Ян почти убегает по направлению к лифту, противопожарные двери захлопываются одна за другой, и шум затихает.

Я сажусь на место Яна за компьютером. Он оставил открытым свой почтовый ящик. Я его закрываю и открываю свой. Мэйл от Маризы Давид, нашей заведующей, рекомендует мне пересмотреть с Гаранс правила расстановки книг в открытом доступе. Судя по всему, Мариза предпочла поверить Яну, несмотря на то, что его обвинение Гаранс в том, что она расставляет книги как попало, трудно проверить в библиотеке, где ежедневно бывает до двух тысяч студентов, которые далеко не всегда ставят книги на место.

Всю вторую половину дня я стараюсь подловить Яна, но у меня ничего не выходит. Всякий раз, как мы пересекаемся, он делает всё, чтобы меня избежать, где бы он ни находился. Я вижу, как он то поднимается по главной лестнице, то спускается по служебной, бросая в рацию отрывистые реплики: «Подождите меня», «Уже иду», «Я буду точно через три минуты». В пять часов мой рабочий день заканчивается, и я ухожу с работы с твёрдым намерением продолжить завтра наш с Яном разговор. Я и представить не могу, что моя последняя возможность поговорить с Яном была сегодня.

Глава II. Несчастный случай

Во вторник утром, подойдя к библиотеке, я вижу скопление людей перед служебным входом. Себастьян из службы безопасности не даёт никому войти. Обычно улыбчивый, с румянцем во всю щёку, он совершенно бледный, почти серый. Максим тоже здесь. Он мне объясняет, что произошёл несчастный случай. Пострадал наш начальник Ян Дюбуа. Больше ему ничего не известно.

Два человека в форме выходят из только что подъехавшей полицейской машины. Себастьян впускает их в библиотеку и входит вместе с ними. Я спрашиваю у тех, кто пришёл раньше меня:

– «Скорую» вызвали?

Молодой парень в синем комбинезоне, один из рабочих, начавших вчера замену лифта, отвечает мне:

– Думаю, «скорой» тут делать нечего. Мёртвых не откачивают.

Он достаёт из кармана пачку сигарет и закуривает. Пальцы у него дрожат.

– Мёртвых?

– Мертвее некуда, – подтверждает рабочий постарше, – учитывая высоту шахты и ту штуку, что его придавила, живым он оттуда не выберется.

– Он что, упал в шахту лифта?

– Можно сказать.

– Что значит «можно сказать»? Он упал или нет?

– Упасть-то он упал. С пятого этажа к тому же. Сегодня там не было барьера, который мы с ребятами вчера поставили. Зато там лежал ваш командир, аккуратно на самом дне. Прихлопнут сверху здоровой деревянной тележкой. И я вам скажу – сам себе он это не устроил.

Рабочий понижает голос:

– Кто-то ему помог. Понимаете, о чём я?

Быстрым шагом подходит Мариза Давид, заведующая, и, не посмотрев на нас, сразу проходит внутрь. Полчаса спустя полицейский микроавтобус высаживает человек десять в гражданской одежде. Они тоже проходят в библиотеку. Молодая девушка несёт по виду тяжёлый алюминиевый ящик. Один из её коллег берёт его у неё, и она благодарно ему улыбается.

Немногим позже из библиотеки выходит Себастьян и проводит нас внутрь, в зал для видеопроекций, где все могут сесть. Плохо собой владея, Мариза объявляет нам, что Ян действительно мёртв, что библиотека сегодня будет закрыта, что нас всех должна опросить полиция прямо сейчас. Три кабинета заняты полицейскими, чтобы снять наши показания.

Первыми вызывают рабочих. В ожидании нашей очереди мы рассаживаемся по креслам и стульям.

– Блин, не могу поверить, – вырывается у Рене, – можете себе представить? Убийство, здесь, в университетской библиотеке!

– Пока ничего определённого не известно, – отвечает Максим.

– Ты же слышал, что сказал мужик: «Деревянную тележку он сам себе на башку не пристроил».

Мы начинаем припоминать всё, что было вчера, и постепенно восстанавливаем события. Последней, кто видел Яна живым, была Милена. Он был в «локализаторской». Так мы называем комнату с компьютерами, подключёнными к общеуниверситетскому каталогу. Там книги нашей библиотеки «локализируются», то есть добавляются в национальный каталог университетских библиотек Франции. «Локализаторская» находится на том же пятом этаже, что и отдел хранителей, но с другой стороны лифта. Милена зашла туда, чтобы забрать уже «локализиро-

ванные» книги, которые осталось подготовить к выдаче, распределила их по нашему отделу и ушла в читальный зал.

Всё послеобеденное время Ян провёл, наблюдая за работами по замене лифта. Кабина и внешние двери старого лифта были демонтированы к пяти часам вечера. Защитные щиты должны были быть установлены на следующее утро. Рабочие поставили металлические барьеры с предупреждением об опасности перед открытой шахтой на каждом этаже и ушли. Библиотека оставалась открытой ещё два часа.

Когда рабочие ушли, Яну ничего не осталось, кроме как засесть за «локализацию», чтобы наверстать упущенное. Ничто не мешало ему заняться этим раньше, но Ян не мог оставить на своей территории рабочих без присмотра. Милена видела его в половине шестого. Оставшиеся полтора часа до закрытия в библиотеке оставалось минимальное количество сотрудников – исключительно для обслуживания пользователей: выдачи, приёма и выполнения справок. Только Шарль-Анри Леруа, наш главный библиограф, был в это время в своём кабинете. Получалось, что Яна столкнули в шахту лифта после половины шестого.

– Не могу представить, что Ян дал себя столкнуть, – замечает Рене.

Ян был среднего роста, но очень широк в плечах. В молодости он играл в регби и сохранил коренастость регбиста. К тому же, с тех пор как перестал заниматься спортом, он набрал лишних килограмм пятнадцать, с которыми безуспешно боролся. Человека, столкнувшего его в шахту лифта, было и в самом деле трудно представить.

– Я тоже не могу, – соглашается Максим, – крепче него у нас никого нет.

– Да, но не забывай, что Яна нашли под тележкой, – напоминает Рене. – С этой штукой его кто угодно мог заставить потерять равновесие.

Старой массивной тележкой для перевоза книг мы все часто пользовались. Ян каждый год собственноручно её чистил и смазывал. Помню, как я удивилась, обнаружив, что её громоздкий вид скрывал безупречный механизм. Несмотря на вес, эту древность, дошедшую до нас из шестидесятых годов прошлого века, было на удивление легко передвигать. Она не ездила, она – скользила.

Дверь открывается и входят Брюно и Гаранс. Их рабочий день сегодня начинается позже. Они спрашивают в один голос:

– Что случилось?

Рене начинает объяснять, но тут звонит телефон Гаранс. Она отходит в угол, чтобы ответить. Рене ждёт, пока она закончит. Гаранс говорит о ДТП и о страховке. Разговор идёт на повышенных тонах. Резко закончив разговор, Гаранс в раздражении пинает стоящее рядом кресло.

– У тебя проблемы с тачкой? – спрашивает Брюно.

– Вчера на светофоре я тронулась и заглохла. И какой-то мудака в меня врезался сзади. Что тут происходит-то?

Мы вводим их в курс дела. Оба не могут прийти в себя.

– Ни хрена себе! – вырывается у Гаранс.

Мне кажется, что на её лице на мгновение появляется и тут же исчезает выражение облегчения. Я очень хорошо понимаю, чем оно вызвано. В отличие от нас, государственных служащих, Гаранс и Брюно – контрактники. Их контракты на шесть месяцев могут возобновляться в течение двух лет. Для Гаранс, у которой двое маленьких детей и безработный муж, возобновление контракта жизненно важно. Её вчерашний конфликт с Яном поставил под сомнение очередное возобновление. С исчезновением Яна у Гаранс, без сомнения, становится одной заботой меньше. Зато у Брюно детей не было, жил он один, поэтому окончание каждого контракта воспринимал как начало новой авантюры. Убедившись, что это не шутка и не розыгрыш, он заключает:

– С ума сойти!

Потом открывает свою голубую, под цвет своей футболки и теннисных кроссовок, спортивную сумку и спрашивает:

– И что же мне теперь со всем этим делать?

И достаёт из сумки огромную банку шоколадной пасты и большой пакет с круассанами. Всё накопившееся с утра напряжение отступило перед такой будничной заботой, и мы расхохотались. С наступлением весны Ян решил сесть на диету. Узнав об этом, Брюно, стройный, как кипарис, стал приносить каждое утро пирожные, безе, шоколад и другие сладости. Он аппетитно раскладывал их на столе рядом с кофеваркой и наслаждался результатом. Всякий раз Ян ругался:

– Убери сейчас же!

А Брюно спокойно отвечал:

– Успокойся. Ты тут не один. Никто тебя силой есть не заставляет.

Ян срывался со своей диеты не один раз. Брюно ликовал. Было от чего – из-за этой подрывной работы Ян не только не потерял ни килограмма, он, кажется, даже набрал лишние.

После взрыва смеха мы почувствовали себя лучше.

– Придётся нам самим всё это съесть, – говорит Максим с философским видом. – Перед лицом смерти еда помогает ощущать себя живым.

Брюно жестом предлагает полицейскому присоединиться к нам, но тот отклоняет предложение кратким, но твёрдым движением руки. Мои коллеги группируются около столика, на которой Брюно выложил сладости. Я не двигаюсь. Мне гораздо больше хочется курить. Я не единственная, кто остался на месте. Милена, забившись в угол, вытирает слёзы. Ева её утешает. Я вспоминаю, что у Милены с Яном когда-то очень давно было что-то вроде романа. Длился он недолго, но оставил после себя взаимную неприязнь, которую не смогли рассеять прошедшие с тех пор годы. Надо же, она по нему сейчас всё-таки плачет. Чуть дальше, опершись головой о спинку кресла, спит Микаэль. Как он сумел заснуть в такой ситуации? Я знала, что Микаэль и Ян уже давно друг с другом не разговаривают, но тем не менее...

Полицейский вызывает следующего человека для дачи показаний. Я встаю и иду за ним. Проходя мимо Евы, я слышу, как она говорит Милене: «Ну на нём же свет клином не сошёлся: исчез один, появится другой». Довольно странное утешение по случаю смерти бывшего бойфренда.

Глава III. Капитан

Я вхожу в кабинет и вижу следователя. Красивый мужчина. Темноволосый, высокий и худощавый, он сидит за письменным столом и что-то печатает на своём ноутбуке. Я смотрю, как его длинные пальцы касаются клавиш. Он печатает десятью пальцами, как кто-то, кто знает машинопись. Он напоминает пианиста из фильмов тридцатых годов. Талантливый, но без гроша в кармане, вынужденный играть в ресторанах, чтобы было чем прокормиться. Я представляю его в одежде тех лет, с причёской того времени перед своим инструментом, взгляд, устремлённый вдаль. Пока его пальцы играют мелодию для развлечения публики, мысли его далеко.

Сколько лет ему может быть? Примерно тридцать, тридцать пять. У него необыкновенное лицо. Красивое и странное. Странное, потому что на нём нет и следа улыбки. Как будто он за всю жизнь ни разу не улыбнулся. Говорят, после тридцати лет человек отвечает за своё лицо. Характер накладывает на него отпечаток. Я не вижу на лице следователя отпечатков улыбок. Либо он никогда не улыбался, либо улыбки были слишком легки, чтобы оставить следы. Он знаком предлагает мне сесть и представляется:

– Следователь капитан Дионизи.

Итальянская фамилия. Он итальянец, как инспектор Ингравалло из романа Гадды.

– Ваши фамилия и имя.

– Лёжель. Илона Лёжель.

– Я должен задать вам несколько вопросов.

– Разумеется.

– Всё, что вы скажете, будет зафиксировано в протоколе и может быть использовано против вас. Это официальный документ, и вы несёте ответственность за свои показания.

– Понимаю.

– Каковы ваши обязанности?

– Я работаю в отделе хранителей. Мы обеспечиваем хранение фонда и обслуживание пользователей библиотеки.

Он печатает, не глядя на клавиши, сосредоточив взгляд на экране.

– Как давно вы работаете в этом отделе?

– Три года.

– Что вы делали раньше?

– То же самое, но в Национальной библиотеке. Там я получила место после конкурса, а потом попросила перевод сюда.

– Каковы ваши иерархические отношения с жертвой?

– Он был начальником нашего отдела.

– Какими были ваши отношения?

– Я не совсем поняла ваш вопрос. Что именно вы хотите знать?

Он переводит взгляд с экрана на меня.

– Он вам нравился как начальник?

– Ну, особо тёплых чувств я к нему не испытывала.

И тут он внезапно улыбается, к чему я совершенно не была готова, и у меня перехватывает дыхание. Не столько от самой улыбки, сколько от того, что в то же самое время он повернул голову к правому плечу, словно хотел спрятать лицо. Словно не хотел, чтобы его видели улыбающимся. Было в этом что-то необыкновенно трогательное.

– Странное дело, – говорит он, – все ваши коллеги, которых я опросил, сказали то же самое слово в слово. Как вы это объясните?

– Что именно? Что никто не испытывал к нему тёплых чувств?

– Он что, был настолько неприятен?

У меня сильное искушение ответить, что удивляться надо не тому, что Яна убили, а тому, что не сделали это гораздо раньше. Но вряд ли капитан оценит сейчас подобную шутку:

– Я думаю, что у каждого из нас был свой повод не любить Яна, что не значит, что мы желали ему смерти.

– У вас, например? Какой повод был у вас?

– У меня?

Я начинаю размышлять. Можно ли объяснить, почему ты кого-то не любишь? Я не любила Яна, но почему? Из-за его скверного характера? Вообще мне в нём ничего не нравилось. Ни внешность, ни нрав. Не говоря о взгляде, смехе или голосе. Может, потому, что говорил он только неприятные вещи. Даже запах его дорогого одеколona казался мне тошнотворным. Волос на голове Яна почти не осталось, и он сбрасывал остатки, чтобы придать себе брутальности, но это обнажало двойную складку на затылке. И руки у него всегда были потными, и потом эта его привычка вытирать их о штаны. Я избегала трогать книги, прошедшие через его руки. Да и его самого я старалась по возможности избегать. Ни одна женщина с ним долго не оставалась. Я вспомнила, что Милена была полна плохих предчувствий, когда Яна назначили начальником отдела...

Капитан всё это время внимательно на меня смотрит. У него красивые глаза. Такие тёмные, почти чёрные, что, кажется, они поглощают свет. Невозможно связно передать мой поток мыслей. Я кратко обобщаю:

– Потому что он никогда не сомневался в собственной правоте и никогда не думал о других.

Капитан печатает.

– Можете ли вы назвать людей, у которых были особые причины свести с ним счёты?

Мне действительно очень хотелось помочь капитану, так не похожему на мента, но нет, назвать я никого не могу. Разве что перечислить поимённо весь отдел. Следовательно спрашивает:

– Причина действительно в начальнике? Может быть, у вас просто нездоровая рабочая атмосфера?

Я уверяю, что атмосфера вполне здоровая.

– Мы старались не придавать большого значения его перегибам власти. Мы их друг другу рассказывали, как анекдоты. То, над чем смеёшься, уже не раздражает.

В глазах капитана виден интерес, когда он фиксирует на экране наш способ сопротивляться авторитаризму начальника отдела.

– Не было ли у него особого конфликта на рабочем месте с кем-то из сотрудников?

– Нет. Он с нами обращался одинаково. Одинаково плохо, но никого особо не выделял.

– Нет ли в вашем отделе человека, кто бы особо страдал от характера вашего начальника?

Я думаю о Гаранс, но отвечаю:

– Насколько мне известно, нет.

– А у вас вчера не было конфликта с Яном Дюбуа?

Я сразу же понимаю, что вопрос задан неспроста. Это Регина. Настоящая гадюка. Она выделяет столько яда, что ей просто жизненно важно сплёвывать его на других, чтоб самой не отравиться. Она давала показания одной из первых и, конечно же, не могла упустить такой возможности донести на остальных. Вчера, когда я налетела на Яна на выдаче, Регина была недалеко – около стеллажей с периодическими изданиями, куда она принесла свежие номера. Она там оставалась всё время нашей с Яном краткой беседы на повышенных тонах, делая вид, что приводит журналы в порядок.

Капитан внимательно смотрит мне в глаза. С ума сойти, какой у него красивый взгляд! Но он может неправильно истолковать моё молчание, и я говорю как можно спокойнее:

– Я действительно намеревалась с ним серьёзно поговорить, но не смогла.

– Почему?

– Он был занят. Следил за работами.

– Почему вы намеревались с ним серьёзно поговорить?

– Я была не согласна с его методами управления отделом.

Я думаю о Гаранс и о том, как её предупредить. Если Гадюка донесла о моём конфликте с Яном, она точно не преминула рассказать о более серьёзном скандале с Гаранс.

– Что вам известно о вчерашнем конфликте между Яном Дюбуа и вашей коллегой Гаранс Шевроль?

Что я говорила! Вот гадина! Не знаю, что я должна ответить, чтобы не бросить подозрение на Гаранс.

– Меня не было, когда это произошло. Три раза в неделю я замещаю коллегу в другой библиотеке.

– В таком случае как вы узнали об этом конфликте?

– Гаранс мне позвонила. За контрактных работников отвечаю я. Ян должен был сначала обратиться ко мне. Но он воспользовался моим отсутствием как предлогом, чтобы обратиться сразу к заведующей.

– Насколько справедливы были его замечания о качестве работы Гаранс Шеврёй?

– Ни насколько. Подготовкой к работе Гаранс занималась я, и мне вполне известно, что она хорошо освоила принципы систематическо-алфавитной расстановки фондов и, следовательно, правильно расставляет книги.

– То есть можно сказать, что, обвиняя Гаранс Шеврёй, Ян Дюбуа поставил под сомнение **ваши** профессиональные качества?

Я не знаю, что сказать. Я не ожидала, что мои слова будут истолкованы таким образом. Взгляд тёмных глаз капитана становится испытующим, и в голове у меня включается сигнал тревоги. Он же предупредил меня: всё, что я скажу, может быть использовано против меня. А если их цель не найти убийцу, а посадить кого-нибудь более-менее подходящего, чтобы закрыть дело? Меня, например. Может, мне сказать: «Я буду отвечать только в присутствии своего адвоката»? Мы ещё какое-то время смотрим друг другу в глаза. Он пристально, я растерянно. И вдруг, словно он почувствовал мою тревогу, его взгляд смягчается и становится успокаивающим. Он словно говорит: «Мне очень жаль, я не хотел тебя пугать, тебе нечего бояться» – и повторяет до тех пор, пока сигнал тревоги полностью не исчезает. Я хочу ему сказать, что Ян ставил под сомнение профессиональные качества всех подряд по многу раз на дню, но следователь опускает глаза на свой ноутбук, что-то добавляет к написанному и говорит:

– Думаю, на сегодня мы закончили. Если вы вспомните какие-то подробности, которые могут помочь в расследовании – обязательно свяжитесь с нами.

Он даёт мне карточку с номером телефона:

– Вы можете вернуться к себе, библиотека будет закрыта весь день.

Выходя, я оглядываюсь, чтобы в последний раз посмотреть на красивого капитана и, может быть, встретиться с ним взглядом. Но он не отрывает глаз от своего ноутбука. Я выхожу из библиотеки через служебный вход. Прямо передо мной проходят два человека с носилками. На носилках лежит тело в закрытом на молнию мешке. Тело моего начальника Яна Дюбуа.

Глава IV. Ацтекский кодекс

На моих часах начало первого. Я не могу вернуться к себе, как мне посоветовал красивый капитан, потому что через час я должна быть в библиотеке иностранных языков. Я иду в кафетерий. Он почти пуст, как всегда в период экзаменов. Я беру только кофе и яблоко, чтобы съесть его позже – пока мне трудно что-либо проглотить. Хотя я и не любила Яна, от вида его тела в мешке для трупов у меня стеснило грудь, и стало не по себе от мысли, что жизнь продолжается как ни в чём не бывало, тогда как для Яна всё уже закончилось навсегда. По мне проходит дрожь, несмотря на теплый июньский день, и я решаю думать о другом. О капитане.

Таких, как он, трудно забыть. Не столько из-за внешности, сколько из-за взгляда. Человека красит не платье, а взгляд. Было что-то во взгляде капитана, что отличало его от других. Словно он видел больше, чем все остальные. Мне хочется ещё раз с ним встретиться. Но как? Я на мгновение представляю, как мы вместе любимся закатом и рука капитана обнимает меня за плечи. Похоже на открытку к Валентинову дню, но моя дрожь проходит, и я с удовольствием отпиваю глоток кофе.

А если я найду убийцу? В этом случае капитану трудно будет не обратить на меня внимания. Если как следует подумать, ничего невозможного в этом нет. Я хорошо знаю и своих коллег, и место преступления. Тот, кто убил Яна, наверняка готовился к этому уже какое-то время, а работы по замене лифта дали ему возможность перейти к действию. Значит, мы все, не зная того, были свидетелями созревания преступления. Если я как следует сосредоточусь и всё проанализирую, я наверняка сумею выделить элементы, которые выведут меня на убийцу.

Я начинаю размышлять. Маловероятно, что Яна убил человек, не знакомый с внутренним устройством библиотеки. Человек с улицы сразу бы заплутал в лабиринте помещений, предназначенных для работы с фондами. Библиотека, построенная в пятидесятых годах прошлого века, была олицетворением функционального здания. Изначально для её работы было достаточно четырёх человек благодаря организации библиотеки по троичному принципу. Один на входе, один на выдаче, один, чтобы приносить книги из хранилища, ну и заведующий. Библиотеку несколько раз расширяли, потому что с течением лет её фонды увеличились, так же как и число посещающих её студентов. Но перестройки не затронули помещений для внутренней работы с фондами. Отдел хранителей, увеличившийся за годы до пятнадцати человек, помещался в бывшем хранилище на пятом этаже, там же, где начинался технический коридор, опоясывающий всю конструкцию. Мы им часто пользовались, несмотря на его мрачный вид. Он позволял сократить путь к разным частям здания. Например, к туалету для публики и к читальным залам. «Локализаторская», где Ян провёл последние часы своей жизни, располагалась на том же этаже. Чтобы попасть в неё, надо было обогнуть лифт и пройти через узкий коридорчик, почти не заметный за секционными шкафчиками для персонала. Чтобы найти Яна, надо было хорошо всё это знать. Значит, убийца кто-то из нас.

Кто из нас не любил Яна так сильно, что был готов его убить? Капитану я ответила, что Яна никто не любил, но теперь, подумав, я бы сказала, что большая часть отдела воспринимала его как что-то неприятно-неизбежное, как плохую погоду. Никому же в голову не придёт убивать снег или дождь. Некоторым он даже нравился. Я думаю о Монике и Иоланде. В сентябре Ян провёл много времени, занимаясь интеграцией фондов из специализированной библиотеки по истории искусства в фонды центральной библиотеки. Обе очень оценили его эффективность. После смерти Иоланды Моника продолжала эту работу одна и часто обращалась к Яну. Его поливалентность так её впечатлила, что, когда Моника купила себе новый компьютер, она попросила Яна приехать к ней помочь его установить и подключить к Интернету. С тех они были в полудружеских отношениях, даже, кажется, вместе обедали несколько раз. Вообще, среди моих коллег женского пола никто подолгу не держал на Яна зла. Я думаю, это

потому, что доисторическая женщина, сохранившаяся глубоко внутри современной женщины, оценивала Яна по доисторическим критериям. И по этим критериям он котировался довольно высоко. Он был, вне всякого сомнения, способен выгнать саблезубого тигра из пещеры, чтобы поселить там своё племя, в одиночку убить мамонта и добыть огонь трением. В конечном счёте Ян был не так уж и плох, он просто оказался не в той эпохе.

Причин не любить Яна было предостаточно, но ни одна из них не была достаточно весомой для убийства. И даже если предположить, что такая причина была, надо же ещё как-то суметь это сделать. Даже с помощью тележки. Как можно было поставить Яна прямо перед открытой шахтой лифта так, чтобы он ничего не заподозрил? Я начала представлять по очереди своих коллег за подготовкой к сталкиванию Яна в шахту. Ян бы сразу же спросил, почему тележка не на своём месте. И с криком «Щас поймёшь, почему!» убийца со всей силы толкает тележку... Маловероятно... А если их было несколько? Я представляю, как мои коллеги вырывают тележку друг у друга: «Дай мне!», «Нет, это сделаю я!» Едва ли... Вообще, если бы их было несколько, тележка бы им не понадобилась...

Я пытаюсь вспомнить, как вели себя мои коллеги, узнав, что Ян был убит. Милена плакала. Остальные были поражены, даже Микаэль, хотя потом он уснул. Кстати, Микаэль и Ян уже несколько лет не разговаривали. Даже не здоровались. Я никогда не спрашивала, почему. Надо будет узнать у Евы. Она здесь работает уже десять лет, и должна помнить. Во всяком случае, если убийца и был вместе с нами сегодня утром, он себя никак не выдал.

– Ты всё ещё здесь?

Максим ставит на стол поднос и устраивается напротив меня. При виде сочащегося куса мяса в его тарелке несколько глотков кофе, которые мне удалось в себя протолкнуть, решают вернуться обратно. Я вскакиваю и бегу в туалетную комнату.

– Почему ты домой не поехала, ты же себя совсем неважно чувствуешь? – спрашивает Максим, когда я возвращаюсь на место.

Он уже съел стейк и принялся за фруктовый салат.

– Да нет, ничего, я просто ничего проглотить пока не могу. Мне через полчаса надо быть в библиотеке иностранных языков. А ты почему домой не вернулся?

– Мне в два часа за дочкой в школу. Она на полпути между домом и работой. Здесь подождать удобнее.

– Что бы ни произошло, аппетита ты не теряешь, – говорю я с улыбкой, глядя, как он собирает остатки сиропа со дна розетки.

В ответ Максим только пожимает плечами и спрашивает:

– Это ты из-за Яна в таком состоянии?

– Пожалуй... Я тут думала... Я вообще не могу представить, кто его мог убить...

– Зачем об этом думать? Оставь это капитану Дионизи и его коллегам.

– Я хочу найти убийцу раньше.

– Почему? – удивляется Максим.

– Я хочу его заинтересовать, понимаешь? Капитана, а не убийцу.

– Успокойся, он тобой уже интересуется. Он меня спрашивал, часто ли вы с Яном ссорились.

– И что ты сказал?

– Само собой, встал на твою защиту.

– Спасибо... – говорю я и объясняю. – Я хочу сделать что-то, что привлечёт его интерес ко мне.

Максим смотрит на меня, словно он не до конца уверен, что всё правильно понял:

– Ты что, хочешь с ним переспать?

– Дурак! Это не тот человек, с которым хочется переспать. Это человек, рядом с которым хочется проснуться.

Максим достаёт пачку сигарет.

– Пошли покурим?

Когда мы удобно устроились в тени, Максим говорит:

– Если ты хочешь найти убийцу, то должна искать не кто его убил, а почему.

– По-твоему, это облегчает задачу?

– Возможно, его неспроста убили именно в библиотеке. Какими могут быть причины убийства в библиотеке?

– По-моему, их раз-два и обчёлся. Разве что чтобы помешать кому бы то ни было прочесть второй том «Поэтики» Аристотеля...

– Нет, серьёзно, – говорит Максим. – Мне кажется, в Национальной библиотеке была какая-то история с кражей ценных манускриптов.

– Ацтекский кодекс?

– Что за ацтекский кодекс?

– Ты что ничего об этом не слышал?

Он и правда ничего не знает. Я рассказываю. В национальной библиотеке хранится очень обширный фонд предколумбийских манускриптов. В XIX веке один учёный завещал библиотеке всю свою коллекцию. Что-то около четырёхсот манускриптов. В 1982 году мексиканский журналист Хосе Луис Кастанеда дель Валле приехал в Париж, чтобы ознакомиться с ацтекским кодексом. Он получил доступ в отдел манускриптов.

В Национальной библиотеке старинные книги хранятся в специальных архивных коробках, чтобы избежать повреждений. Для большей сохранности читателю их выдают вместе с коробкой.

В последний день своего пребывания во Франции журналист вернул коробку, но вместо кодекса положил туда какой-то словарь, взятый в открытом доступе. Библиотекарь сразу не проверил содержимое коробки, и когда пропажи хватились и подняли тревогу – журналист уже был в самолёте. Когда он прилетел в Мексику, сразу же отнёс манускрипт в Национальную библиотеку Мексики, сказав, что возвращает своей стране её культурное достояние.

– Ему за это что-нибудь было?

– Чисто символически. С точки зрения закона он всё-таки совершил преступление. А манускрипт по решению мексиканского суда остался собственностью Французской национальной библиотеки, но храниться стал в национальной библиотеке Мексики. Зато теперь содержимое архивных коробок сразу же проверяется.

– Сдаётся мне, что ты одобряешь этого журналиста.

– Я всегда питала слабость к благородным разбойникам. Ведь это же прекрасно – рисковать свободой и репутацией, чтобы вернуть народу его культурное наследие.

– Ещё один, рядом с которым ты бы хотела проснуться?

– Ты что, ревнуешь?

– Ещё бы нет! Всегда мечтал проснуться рядом со следователем из криминальной бригады. Но я имел в виду другое дело. Лет пять-шесть назад в национальной библиотеке был скандал, связанный с кражей старинных документов. Об этом много писали. Тебе это ни о чём не говорит?

– Что-то такое припоминаю. Но смутно.

Максим смотрит на часы.

– Мне пора.

– Если вы вспомните какие-то подробности, которые могут помочь в расследовании – обязательно свяжитесь с нами, – говорю я на прощание.

– Можешь на меня рассчитывать, мисс Марпл, – отвечает он, дружески хлопнув меня по плечу.

Глава V. Ковбой

Библиотека иностранных языков занимает первый этаж одного из зданий университета. Она одна из четырёх специализированных библиотек иностранной литературы и содержит книги на восточных и славянских языках. У меня к этой библиотеке особое отношение. Десять лет назад, когда была студенткой, я подрабатывала в ней помощником библиотекаря. Это была студенческая подработка, денег от неё хватало только на еду, но, в отличие от других подработок, работать в библиотеке мне очень нравилось. Тишина и спокойствие в зале, читающие за столами люди, книги, выстроившиеся на полках – всё мне нравилось. Но, главное, в библиотеке ничего не продавалось и не покупалось. Стены библиотеки словно отделяли тебя от общества потребителей, от мира, где всё продаётся и всё покупается. Едва я переступала её порог – меня охватывало чувство, что все проблемы, все связанные с деньгами конфликты в библиотеке просто не существуют. Доступ к информации там бесплатный и свободный. Я была уверена, что, работая в ней, защищаю одну из главных свобод человека, помогая людям найти и получить нужную им информацию. Именно в этой библиотеке я выбрала свою профессию. Поэтому, когда её заведующая ушла в декретный отпуск, было решено, что до начала летних каникул её буду замещать я, а в начале нового учебного года на её место возьмут контрактника.

Несмотря на то, что центральная библиотека была закрыта, в читальном зале библиотеки иностранных языков читателей было совсем немного. Человек пять, не больше. Одного из них я знала – Александр Бэтмен. Он сидел на своём обычном месте, около окна, рядом со стеллажами книг на русском языке. Я, разумеется, не помню по фамилии всех читателей, но подобную фамилию забыть было трудно. Помню, когда она в первый раз высветилась на экране, я не смогла удержаться, чтобы не спросить, не дразнили ли его в школе. Он мне грустно ответил: «И в школе, и в колледже, и в лицее».

Мы улыбаемся друг другу, и я начинаю регистрировать свежие газеты и журналы. Мне очень нравится этим заниматься, я словно одним взглядом охватываю все происходящие в мире события. Хотя моё знание восточных и славянских языков сводится к умению прочесть заглавие и определить дату выпуска и номер, всё равно у меня всякий раз появляется ощущение путешествия по странам Магриба, Азии и Восточной Европы. Покончив с регистрацией периодики, я подключаюсь к Интернету, открываю поисковую систему и ввожу в поисковую строку: «vol manuscrit BnF»² Слишком много ответов. Почти все отсылают к каталогу оцифрованных манускриптов. где слово «vol.» (кража) – это сокращение от слова «volume» (том). Вернувшись на сайт университета, я ввожу логин и пароль, чтобы подключиться к базам данных.

В этот момент в глубине зала открывается дверь эвакуационного выхода. Вошедший через неё человек направляется ко мне. У него своеобразная походка: он идёт, отчётливо постукивая ботинками, раздвинув локти, чуть покачиваясь и поглядывая по сторонам. Как будто едет на лошади. Возможно, это сравнение мне пришло на ум из-за его шляпы, как в фильмах про ковбоев. Дойдя до меня, он останавливает свою невидимую лошадь и представляется, слегка приподняв шляпу:

– Жан-Франсуа Паскаль.

Имя мне ни о чём не говорит, но я уверена, что где-то я его уже видела.

– Я работаю в отделе технической службы университета. Я должен сделать необходимые замеры, чтобы подготовить работы, которые будут проведены этим летом.

– Разумеется. Могу я вам чем-нибудь помочь?

– Сомневаюсь. Для выполнения этой задачи необходимо иметь достаточно высокую квалификацию.

---

² «кража манускриптов, Национальная библиотека Франции» (BnF = Bibliothèque nationale de France).

Всадник и его лошадь отходят медленным шагом к свободному столу, на который Жан-Франсуа Паскаль кладёт что-то вроде сумки с инструментами. Я возвращаюсь к своим поискам, заменив слово «vol» (кража) словом «trafic» (незаконная продажа). Двести сорок семь ответов, из них двенадцать диссертаций. Я и не подозревала, что проблема незаконной продажи старинных рукописей достигла таких размеров. Я начинаю сужать область поисков, когда ко мне подходит молодой человек, бродивший до этого между стеллажами.

– Извините, – говорит он слегка смущённо. – Некоторое время назад я брал здесь книгу, она мне снова нужна, но я никак не могу её найти.

– Если её не взял никто другой, то мы сейчас её разыщем. Что это была за книга?

– Это была синяя книга.

Услышав этот ответ, Александр Бэтмен удивлённо поднял голову. Что касается меня, то я и бровью не повела. После десяти лет работы в разных библиотеках я знаю, что читатели описывают книги, как они бы описали человека, выделяя самую заметную деталь. Когда нас просят кого-нибудь описать, мы же не начинаем с того, что это, к примеру, врач или пекарь. Мы скорее скажем «это высокая рыжая женщина» или «это толстый маленький блондин». Я приступаю к идентификации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.